

УДК811.161'.37

ФУНКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л. Л. Присная¹
О. Н. Рукавицына²

*1) Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*2) Военно-морская академия,
г. Санкт-Петербург*

*e-mail:
prisnaja@bsu.edu.ru
lazebnaja_74@mail.ru*

Исследованию подвергнуты функциональные особенности единиц словообразовательного уровня в процессе языковой коммуникации. Выделены четыре функции, выполняемые словообразованием: уплотнение информации, семантическая конденсация, культурная идентификация, выражение этноязыковой культуры в этикетных формах.

Ключевые слова: словообразование, процесс коммуникации, информация, семантическая конденсация, этноязыковая культура, этикет.

Введение

В последние десятилетия происходит «обращение к живому функционированию языка», «прагматизация лингвистических исследований», являющаяся следствием стремления «учитывать «человеческий фактор» в речевой деятельности» [1].

Этот постулат в самой большой степени касается использования носителем языка словообразовательных средств в процессе языковой коммуникации.

Порождение нового слова (акт словопроизводства) происходит в процессе речевой деятельности, как и порождение любой другой единицы языковой системы, (В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, М. М. Бахтин, Т. Г. Винокур, Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, и др.), осуществляется в соответствии с ее законами, носит деятельностный характер.

Для осуществления акта словопроизводства должна возникнуть коммуникативная ситуация, в контексте которой возникнет потребность (мотивы) для обозначения какого-либо нового знания с помощью лексической единицы, то есть коммуникативная ситуация породит ситуацию ономаσιологическую, один из коммуникантов будет включен в ономаσιологический контекст (С. М. Васильченко, О. А. Габинская, М. С. Малеева, И. С. Торопцев, И. А. Устименко). Коммуниканты только используют способность языка через минимум средств к «достаточно дифференцированной и точной репрезентации бесконечно разнообразного при помощи ограниченного набора конвенций и соответствующих языковых образований (в новых ситуациях) [2, с. 72]. Дж. Гринберг справедливо замечает, что некоторые слова для носителя языка с очевидностью «являются расчленимыми в том смысле, что они составлены тем или иным регулярным образом с помощью сложения или деривации из более мелких единиц, встречающихся либо изолированно, либо в других сочетаниях» [6, с. 61].

Динамическое, процессуальное словообразование, словопроизводство, деривация описаны 1) с точки зрения деятельностного подхода [7] как вид деятельности по созданию лексической единицы с помощью средств словообразования; 2) с ономаσιологической, психолингвистической точки зрения: И. С. Торопцевым [11] предложена структура общезыковой словопроизводственной модели, которой интуитивно, на бессознательном уровне пользуется носитель языка при необходимости образовать новое слово, обозначить новое знание с помощью производной лексической единицы; 3) представителями когнитивной лингвистики (А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова

и др.) с точки зрения кодирования и декодирования информации в ходе коммуникативного акта.

Е.А. Земской [7] выделены 5 функций словообразования в языке: номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная, стилистическая; Л. А. Вараксиным [4] рассмотрены словообразовательные средства, обслуживающие эти функции. Все эти функции И.Б. Голуб рассматривает со стилистической точки зрения на примере анализа литературных текстов, авторского словообразования [5].

Цель настоящей статьи – рассмотреть, какие функции выполняет словообразование в акте языковой коммуникации, как словообразование характеризует коммуникантов с точки зрения их отношения к родному языку и своей речи. По нашему мнению, учитывать данные проведённого исследования особенно важно при обучении русскому языку иностранных студентов.

Функция уплотнения информации

Коммуникативный акт совершается во времени, коммуниканты этим временем ограничены. Постоянно увеличивающийся поток информации приводит к поискам наиболее экономных средств передачи информации, которые позволили бы в минимальную единицу времени передать максимальный семантический объем информации. Передача информации через предикативные синтаксические единицы оказывается наименее экономным способом, та же информация может быть передана с помощью словообразовательных моделей путём свёртывания, стяжения синтаксической формы выражения, сокращения материальной части коммуникативного процесса до номинативного. Стяжение материальной оболочки используется прежде всего для сокращения временных параметров потока речи и проходит, как правило, несколько этапов, этап деривации – последний. Ярким примером подобного «ступенчатого» сокращения является возникновение слова *автогражданка*, созданного ведущими (и сразу несколькими) телевизионных новостных программ¹²: *обязательное страхование гражданской ответственности владельца автомобильного транспорта* – *автогражданская ответственность* – *автогражданка*. Это случай стяжения материальной оболочки, казалось бы, против всяких правил: *автогражданская ответственность* – это ответственность владельца или автомобиля? Тем не менее, слово принято уже на этой ступени, и содержание слова *автогражданка* одинаково было понято и принято всеми носителями языка. Однако стилистически маркированное как разговорное, слово не могло войти в официальный документ – Закон об обязательном страховании гражданской ответственности владельца автомобильного транспорта. Потребовался нейтральный, а то и маркированный официально-деловым стилем термин – возникла «на наших глазах» аббревиатура *ОСАГО*, которая и была использована при создании Закона. С одной и той же целью использованы два разных способа создания нового слова: с одной стороны это суффиксальное образование, употребление которого ограничено разговорным стилем, с другой стороны – аббревиация, способ также стилистически маркированный, но на этот раз принадлежащий к официально-деловому стилю. Уплотнение информации часто осуществляется в акте коммуникации с помощью сокращений слов, особенно в речи молодёжи: *зам, комп, нал, преп, уд, неуд, фан, чел* и под. Эта функция, в сущности, по Е. А. Земской, – компрессивная, однако и стилистическая.

Л.А. Вараксин относит эти явления к компрессивному словообразованию. Сюда же он включает и семантические конденсаты, или универбаты, или компрессы [3; 4]. Однако явление семантической конденсации имеет, на наш взгляд, иные

¹ Мнения разные – от отмены автогражданки до её немедленного введения. ОРТ, 14.10.2003. Дума рассматривает вопрос об автогражданской ответственности. Что будет с автогражданкой – неизвестно. РТР, 15.10.2003.

корни, и это явление мы предпочитаем рассмотреть как отдельную функцию словообразования в процессе языковой коммуникации.

Функция семантической конденсации

Уже на приведённом примере мы заметили, что содержание созданной носителем языка производной единицы может быть шире её морфемного состава, и единица, созданная в процессе коммуникативного акта, в этом случае может быть понята только в контексте этого акта. К таким явлениям принадлежит конденсация плана содержания в процессе словопроизводства, связанная с мотивировкой всем содержанием при выборе в качестве производящего одного из компонентов мотивирующего словосочетания: *нефтяная промышленность – нефтянка, социальная сфера – социалка* и под.

Е. Д. Поливанов видел основной фактор, причину подобных явлений в уменьшении расхода трудовой энергии, которая «склонна осуществляться... лишь до тех пор, пока сокращение энергии не угрожает бесплодностью всего данного трудового процесса...», «пружина этого механизма» есть, по образному выражению автора, «лень человеческая» или – что то же – стремление к экономии трудовой энергии» [9, с. 81] и может проявляться в виде экономии психической деятельности: сюда относится экономия мыслительных (конструирующих синтаксический и грамматический состав фразы) процессов во время речи [9, с. 83 – 84]. А. В. Исаченко считает закон экономии усилий «одним из основных законов развития лексики вообще» [8, с. 139].

Н. М. Шанский видит проявление принципа «экономии усилий» в устранении названий с расчлененной формой и универбации, в «сжатии в слово номинативных словосочетаний целостной семантики и частого употребления» [13, с. 158], то есть в явлении семантической конденсации и формальной стяженности.

О продуктивности «приема конденсации» свидетельствует то, что в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» зафиксировано более двухсот семантических конденсатов, отмечается и их многозначность. Так, для слова *отказник* словарь дает четыре значения: 1. В советск. время: тот, кому отказано в праве выезда за границу. ...он не описал ...еврейских «отказников» ...[Огонек, 1992, 10]; 2. Тот, кто отказывается повиноваться властям, администрации и т.п. в знак протеста против чего-л. ...зек А1-452... ставит задачу: что легче – работать или, став «отказником», сидеть в карцере. [Огонек, 1991, 3]; 3. Призывник, отказавшийся от службы в армии по идеологическим, религиозным и др. причинам; 4. Ребенок, оставленный на попечение государства в результате отказа от него родителей (или одного из них); отказной ребенок. Только последнее значение фиксируется впервые. На основании материалов СМИ можно выделить и 5 значение: 'отказавшийся от лидера, отступивший от него, предавший его'. Появились новые «отказники» – от Ельцина [Из выступления В. Распутина в Белгороде, 1999]. В «Словаре семантических конденсатов русского языка» И. А. Устименко (2004) зафиксировано более 2500 семантических конденсатов. Значение конденсатов все более абстрагируется, все более приближаясь к обычному словообразовательному типу со значением «характеризующийся действием, названным глаголом», «тот, кто отказался» – *отказник*.

Значение семантического конденсата всегда контекстуально обусловлено и продиктовано коммуникативным контекстом, ситуацией общения. Так, конденсат *кассетник* зафиксирован словарями со значением «кассетный магнитофон» (ТСРК, с. 289). Информанты в возрасте от 17 до 22 лет в проведенном [12] эксперименте дали для этого слова следующие значения: 1. Место в магнитофоне, куда вставляется кассета; 2. Футляр, контейнер для кассеты; 3. Стойка для кассет; кассетная стойка; 4. Человек, торгующий кассетами. 5. Коробок из-под кассет. 6. Человек, увлекающийся музыкой; Две последние реакции были единичными, но они говорят о том, что при всей «понятности» конденсата и образование и понимание его субъективны, а во вто-

ром случае – метафоричны, что, как утверждал А. А. Потебня, свойственно человеческому сознанию [10]. Понимание слова *кассетник* обусловлено также социальным и возрастным фактором – новое поколение уже не знает другого магнитофона, катушечного, вышедшего из употребления за последние двадцать лет, для них магнитофон – это звуковоспроизводящий прибор, снимающий звук с кассеты. Возможно, следующе поколение будет знать только дисковый магнитофон и создаст новый семантический конденсат. Конденсат *военка*, истолкованный в книге «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка» (1968, с. 72) как ‘военное бюро’, в словаре «Новые слова и значения» (1973, с. 106) отмечено со значением ‘военная служба’, опрошенные нами носители языка дали следующие толкования значения слова *военка*: 1. Военная служба; 2. Военная форма; 3. Военное училище; 4. Военная кафедра при институте; 5. Кафедра военной медицины в медицинском институте. Очевидно, что в определенной коммуникативной ситуации, любой из носителей языка мог бы включить в ономазиологический контекст предложенный им вариант мотивировки семантического конденсата, а на выходе всегда было бы одно и то же слово – *военка*. Следовательно, адекватная дешифровка конденсата для носителя языка возможна только в контексте его возникновения или в синтаксическом контексте, которые дополняют семантику конденсата. Релевантными становятся в процессе декодирования побочные ассоциации и чувствования. В конденсате, взятом вне контекста, эксплицированными оказываются только семы словообразовательного характера, коммуникативные семы дополняются носителем языка на основе его лингвистического, социального и коммуникативного опыта.

Вновь возникшее идеальное содержание проходит две ступени формального стяжения, семантическая конденсация возникает только на одной из ступеней, как правило – на второй. В просторечии можно наблюдать на фоне второй и третью ступень формального стяжения, отличающуюся известной экспрессивностью. На этой ступени происходит сокращение основы производного слова, степень же семантической конденсации остается прежней, возрастает степень стилистической ограниченности, эмоциональной окрашенности и экспрессивности. Сравните: «*преступник, которого заключили под стражу*» – *заключенный (под стражу) преступник* – *заключенный* – *зэк* – семантическая конденсация существует только на второй ступени формальной стяженности – *заключенный*, представленной субстантивированным существительным, на третьей ступени (*зэк*) семантической конденсации нет, есть только формальное стяжение, то есть уплотнение информационного поля в плане выражения, семантическая конденсация прослеживается в сравнении со второй ступенью формального стяжения (*заключенный преступник*). Причем семантическая конденсация существует в том случае, если новое образование субстантиват (*заключенный, задержанный, расконвоированный, осужденный, вольнонаемный*) или получено суффиксальным способом (*бесконвойка, вольнонаемник, кассационник, кассационка, вольняшки, уголовник*), но отсутствует, если новое образование – сложное или сложносокращенное слово (*нарсуд, допрзак, зампред, работодатель*), а также аббревиатура (*НЛО* – ‘неопознанный летающий объект’, *ГИБДД* – ‘государственная инспекция безопасности дорожного движения’, в этом случае мы наблюдаем уплотнение информации без семантической конденсации. Семантическая конденсация хорошо прослеживается в результатах эллиптического сжатия словосочетания: *слушания по делу* – *слушания*; *решение суда* – *решение*; *народные заседатели* – *заседатели*; *кассационная жалоба* – *жалоба, уголовное дело* – *дело*.

Функция культурной идентификации

В коммуникативном процессе обязательно присутствует эмоциональная составляющая, которая выражается в особой экспрессивности речи коммуникантов. Эмоции снижают рациональный контроль коммуникантов и «обнажают» культурную составляющую диалога, что отражается и на словообразовательном уровне.

О низком уровне коммуникативной культуры, как и общей культуры человека, на наш взгляд, свидетельствуют образования с помощью суффикса *-н-я* от слов просторечного характера: *фигня, чихня, солдатня, матросня* и под., глаголы типа *тормознуть, спекульнуть, намаячиться, дёргаться, выпендриться* и под., образованные по продуктивным словообразовательным моделям.

Напротив, человек, употребляющий в речи абстрактные существительные, образованные с помощью суффикса *-ость (-есть)*: *бестелесность, воздушность, ограниченность, исчерпанность* и под.; с помощью суффиксов *-аний/-ений*: *обнаружение, осуществление, науцение, притязания, неодобрение, порицание* и под., на наш взгляд, более глубоко и тонко владеет словообразовательной системой языка, обладает более тонким языковым чутьём и вкусом, что свидетельствует о его более высокой речевой и коммуникативной культуре.

Можно было привести множество примеров фактов ситуативного словопроизводства, которые позволили бы судить о речевой культуре говорящего.

Отметим только умение создавать окказиональные образования, свойственное современным журналистам, украшающим свои произведения множеством красноречивых и экспрессивных образований, приведённых Л.А. Вараксиным: *крышевание, перегавквание, пилёж, растиражированность* и под [3; 4, с. 145].

Функция выражения этноязыковой культуры в этикетных формах

Русский язык на фоне языков мира обладает особенностью, которая не может не сказаться на функционировании словообразовательных единиц в языковой коммуникации. Особенность эта – обилие форм субъективной оценки, их многозначность и многозначительность, а также исключительная частотность употребления в речи в качестве форм смягчения речи и в качестве форм речевого этикета.

Формы субъективной оценки (ФСО) занимают промежуточное положение между слово- и формообразованием, передают различные оттенки значений – от ласкательности, увеличительности, уменьшительности до пренебрежительности, уничижительности, ироничности и сарказма и придают определённую окраску речи. Этой функции словообразования уделяет большое внимание в своей «Стилистике русского языка» И. Б. Голуб [5]. Как отмечает автор, благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии. ФСО характерны для всех частей речи, но у разных частей речи оценочность, создаваемая аффиксацией, проявляется по-разному. Наиболее сильной экспрессией, по мнению И. Б. Голуб, обладают суффиксы субъективной оценки существительных. От существительных, нейтральных в эмоционально-экспрессивном отношении, путем аффиксации можно образовать такие, которые имеют яркое оценочное значение: *дом - домик, домишко, домина; брат - братец, браток, братишка, брательник; рука - ручка, рученька, ручонка, ручища; нога - ножка, ноженька, ножщица*. Подобные существительные получают уменьшительно-ласкательное или увеличительное значение, обычно с оттенком положительной или пренебрежительной, негативной оценки. Рядом с такими существительными часто используются оценочные прилагательные: одно слово как бы «заражает» (по выражению А. А. Потебни) другое: *маленький, малюсенький домик, седенький старичок, беленькие ручки, худенькие ручонки, худющий мальчонка*.

ФСО в процессе языковой коммуникации чаще всего образуются от имен собственных. Так, имя Мария принимает формы *Маша, Машенька, Машутка, Машуня, Маня, Маняша, Манечка, Манюшенька*; имя Сергей – *Серёженька, Сергейка, Сергунчик, Серёга* и даже *Серый*. Все они не находят аналогов при переводе на иностранные языки. Эти формы свойственны далеко не только именам собственным.

ФСО употребляются прежде всего в общении с детьми в их исконном уменьшительно-ласкательном значении: *Дай маме ручку; Машенька, возьми куколку; Головка болит?* Ребёнку предлагаются *кашка, молочко, супчик, котлетки*, он садится

на стульчик, ложится в *кроватьку*. Более того, в ситуации общения с детьми формы субъективной оценки образуют междометия и частицы, (*оиньки, аханьки, баиньки, баюшки, баюнюшки, охохонюшки, агушки, агунюшки, аиньки* (частица *а*), *нетушки, спасибочко* и др.), которые приобретают «стилистическую активность» в процессе аффиксации и яркую экспрессивную окраску: К этим эмоционально окрашенным словам примыкают и изолированные формы изменяемых частей речи, трансформированные в результате экспрессивной суффиксации: *спать – спатеньки, спаюшки, спатки; потягушки, потягушеньки, потягунюшки*. Ребёнка зовут *кушанькать, гулятеньки*. Эти слова употребляются только в устной речи с экспрессией ласкательности, причем обычно при обращении к детям до четырёх-пяти лет.

Однако ФСО часто употребляются в этикетных формах при близких отношениях между коммуникантами и выражают предельно хорошее, доброжелательное отношение к собеседнику, чаще всего к гостю: *Пойдём посидим, попьём чайку с конфетками. У меня плюшечки есть, вкусенькие, с вареньицем, с медком. Сливочек могу предложить, блинчики со сметанкой. Кофеёк есть, отличненький, с лимончиком. Тут у нас кухонька, там комнатка сыночка*. Эти формы явно нарочиты, излишни. В них чувствуется экспрессия уничижительности, сюсюкания, а иногда и иронического отношения к собеседнику, поскольку «самоуничижение паче гордости».

В обращении врача к больному ФСО могут выражать сочувствие, участие: *Таблеточки принимаете?.. Выпишем пустырничек, валерьяночку... обязательно прогулочку...* В подобных случаях чувствуется «приторность» речи, в чем, по мнению В. В. Виноградова, сказываются черты «речевого мещанства».

Числительные также могут употребляться в ФСО: *Всего-то тыщонка. А миллиончик не хочешь? Какой-нибудь миллиардик найдётся*. Эти числительные совмещают значение числительных и существительных. Заметно употребление в речи ФСО некоторых местоимений: *ничегошеньки не видел, никогошеньки не знаю*. Не редкость «суффиксальные экспрессивные образования» в составе неопределенно-количественных наречий: *немножко, немножечко, маленько, маленечко, многовато, маловато, столечко, нисколечко*.

Как отмечает И. Б. Голуб, подобные образования характерны и для художественной речи: *В руки яблочко взяла, к алым губкам поднесла, потихоньку прокусила и кусочек проглотила*. В тексте А. С. Пушкина употребление этих форм свидетельствует о положительном, ласковом, даже нежном отношении к героине. В тексте М. Е. Салтыкова-Щедрина те же формы свидетельствуют о лицемерии и лживости, демонстрируют «слащавость, елейность, подчеркивают лицемерие, ханжество» Иудушки Головлёва: *А знаете ли вы, маменька, отчего мы в дворянском званье родились?... Сидели бы теперь в избушечке, да горела бы у нас не свечечка, а лучинушка, а уж насчет чайку да кофеёчку - об этом думать бы не смели! Сидели бы; я бы лаптишечки ковырял, вы бы щец там каких-нибудь пустеньких поужинать собирали...*

Заключение

Наблюдение фактов коммуникации, анализ позиции коммуникантов в отношении явлений словообразования позволили нам сделать вывод о том, что на выбор словообразовательных возможностей языка влияет ряд факторов: 1) желание коммуниканта сократить свою речь и в минимальную единицу времени вложить максимум информации; 2) желание и умение осуществить стяжение словосочетания в одно слово с сохранением идеального содержания всего словосочетания, но с использованием в качестве производящего только одного из членов словосочетания: *нефтянка* – конденсат, *нефтепром* – сложно-сокращенное слово, они выражают одно и то же содержание разными способами: первый – конденсация, второй – уплотнение; 3) выбор способа использования словообразовательного средства в процессе коммуникации для коммуниканта может определяться уровнем его речевой культуры и языковой подготовки; 4) формы русского разговорного речевого этикета допускают широкое употреб-

ление форм субъективной оценки всех частей речи при условии их уместности в данной ситуации общения.

Во всех коммуникативных функциях словообразовательные средства всегда экспрессивны и чаще всего стилистически маркированы, поэтому прав Л.А. Вараксин, когда утверждает, что большая часть рассмотренных нами функциональных особенностей словообразовательных средств в процессе языковой коммуникации совмещает несколько функций - номинативную, компрессивную и стилистическую [4, с. 147].

Исследование коммуникативных функций словообразования может и должно быть продолжено с целью выяснения всех особенностей использования богатств русского словообразования в акте коммуникации и презентации их в учебных целях при изучении русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Булыгина Т. В. Вступительная статья / Т. В. Булыгина, А. А. Леонтьев // Бюлер, Карл. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. – М.: Прогресс, 2000. – С. I-XXIII.
2. Бюлер Карл. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. / Общ. ред. и комментарий Т. В. Булыгиной, вступительная статья Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
3. Вараксин Л. А. О типах словообразовательных значений // От текста к контексту. Межвуз. сб. науч. работ. Вып. 4. – Ишим-Белово. – 2004. – С.43-48.
4. Вараксин Л. А. Функции словообразования в языке и типы словообразовательных значений. [Электронный ресурс] <http://www.utmn.rudocs3990.pdf>.
5. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
6. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: вводный курс / Дж. Гринберг. – М.: Елиториал УРСС, 2004. – 224 с.
7. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 2007. 3-е изд. – 221 с.
8. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. – *Slavia, ročník XXV11, Zesyt 3. Praha* 1958.
9. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Статьи по общему языкознанию. Москва, 1968: 75-89.
10. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 616 с.
11. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель / И. С. Торопцев. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 148 с.
12. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании: пособие к спецкурсу / И. А. Устименко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.
13. Шанский Н. М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху / Н. М. Шанский // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 155 – 166.

THE FUNCTIONS OF WORD FORMATION IN THE PROCESS OF LANGUAGE COMMUNICATION

L. L. Prisnaya¹
O. N. Rukavitsyna²

*Belgorod State
Research University*

*Naval Academy,
Saint-Petersburg*

*e-mail:
prisnaja@bsu.edu.ru
lazebnaja_74@mail.ru*

The paper discusses the functional peculiarities of units of word-formation level in the process of language communication. The author observes four functions performed by the word: seal information, semantic condensation, cultural identification, expression of ethno-linguistic culture in etiquette forms.

Keywords: word-formation, process of communication, information, semantic condensation, ethno-linguistic culture, etiquette.